

ТВЕРДАЯ ОПОРА

КАК СЕЙЧАС вижу его саржевой командирской гимнастерке с пухлыми нагрудными карманами, с одной «шпалой» на полевых петлицах, без фуражки, стянутого кожаным поясным широким ремнем, в яловых русских сапогах. Очевидно, из-за близорукости капитан не сразу заметил своего редактора, с которым мы спешили в полуправление фронта на совещание; а узнав его, быстро поднялся, чтобы поприветствовать. Высокого роста, худощавый, с открытым, успевшим загореть лицом, капитан приложил руку к козырьку.

— Кожевников, — представил капитана редактор. — Наверное, читал...

Я действительно был знаком с его очерками и новеллами в «Комсомольской правде», журнале «Смена» и «Огонек», с книгой «Ночной разговор».

Мы познакомились. Кожевников сказал, что он пишет очерк о людях нашей 16-й армии, хочет показать, как рядовые солдаты сражаются с врагом.

Потом, 10 июля, в день начала Смоленского сражения, я прочитал в красноармейской газете, наверное, этот очерк Кожевникова о связисте Ефимове, который так и назывался «Связист Ефимов».

«По болоту, по ржавой и кислой воде пробирался связист с железной катушкой проводов на спине. Он полз в зловонной хлябине, погружаясь по пояс в трясину. Тонкая нить провода тянулась вслед за связистом, и оборвать эту нить он мог только вместе со своей жизнью. Лишь легкая птичья лапа могла устоять на вязкой трясине. Но советский связист подсмотрел повадки птички; он согнул из лозы два обруча, обтянул их нусами из плащ-палатки и, пользуясь ими, как лыжами, передвигался, словно на перепончатых лапах».

На этом участке фронта гитлеровцы занимали исходное положение для атаки, надо было сообщить нашим командирам.

«...Аппарат включен. Командный пункт получает сведения о танках противника. Можно уползать обратно... Но связист не уходит. Машины заронотали и не торопясь двинулись к тому пункту, откуда должна была начаться атака. И вдруг небо словно раскололось, и тяжелые снаряды лавиной обрушились на лоцину. Танковая колонна противника рассыпалась и заметалась, как грязное свиное стадо. Но куда бы они ни бро-

если свои машины, туда валилась огненная сталь снарядов».

Это был день, когда войска 16-й армии отбивали яростные танковые атаки врага, рвавшегося к Смоленску. Немало тогда было уничтожено их бронированных машин.

Писатель рассказал о связисте переднего края, о разведчике-корректировщике. Так мог написать о нем человек, который сам был рядом с бойцом в эти минуты, который сам видел своими глазами, как он воевал.

Тогда я вырезал из газеты очерк Вадима Кожевникова и положил его в карман гимнастерки. А через несколько недель, в августе, когда наша армия с боями пробивалась из вражеского окружения, на Ратчинской переправе я встретил того самого связиста, о котором писал Кожевников. Мы с ним познакомились, я вручил ему этот очерк, и связист благодарил меня за памятный подарок.

...10 июля сорок первого года в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами группы летчиков, техников, воздушных стрелков и рядового состава Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

В этот же день я снова увидел спецкора фронтовой газеты Вадима Кожевникова рядом с взлетно-посадочной полосой. На густой траве, под плоскостью самолета-истребителя, расположился тогда капитан-пехотинец и летчик в комбинезоне.

Кожевников беседовал с заместителем командира эскадрильи лейтенантом Хасаном Ибатулиным, награжденным орденом Красной Звезды.

На следующий день, 11 июля, в газете я прочитал очерк Кожевникова «Бесстрашный летчик Хасан Ибатулин». В нем говорилось, что однажды летчик-истребитель преследовал тройку вражеских бомбардировщиков. Он гнал их впереди себя сотню километров, подхлестывая «огненными бичами пулеметных очереди».

Вадим КОЖЕВНИКОВ. 1942 г.

«У него, — писал об Ибатулине Кожевников, — твердая рука и зоркий глаз... Он любит и чувствует машину, как самого себя. Это высшее мастерство пришло не сразу... Он стал жить в воздухе и томиться на земле в нетерпеливом ожидании каждого вылета... всю свою жизнь он отдавал нашему небу, и теперь, когда на него выползают крылатые фашистские гадины, он бьет их и будет бить, как учила его партия, как приказывает ему сердце сына нашей Великой Родины».

Это я читал 11 июля, а 12-го в газете был напечатан очерк о летчике Петре Коршунове, тоже награжденном орденом Красной Звезды. В нем писатель рассказывал, как летчик «убежал» из госпитала, неожиданно наткнулся на самолет «У-2», который охранял старичок-колхозник, как единственное достояние колхозного аэроклуба, убедил сторожа, что ему надо попасть в свою часть, и, запустив с его помощью мотор, вылетел в полк.

Такой оперативности Кожевникова можно было только позавидовать: сегодня — событие, завтра — рассказ о нем.

Запомнилась мне корреспонденция Кожевникова «Находи-

мость», опубликованная 27 июля 1941 года. Это был день, когда 16-я армия сражалась, находясь во вражеском окружении. В корреспонденции речь шла об атаке одного нашего подразделения, которое было обстреляно немецкой батареей. И вдруг орудия врага замолчали. В этом была заслуга отделения сержанта Акимова. Оказавшись в тылу батареи, отделение захватило прислугу одного из орудий.

«Когда потом спросили Акимова, — писал Кожевников, — как это все у него так здорово получилось, он посмотрел на меня своими вдумчивыми глазами и сказал:

— В бою думать надо, и тогда мы всегда сверху будем».

...11 августа сорок первого года войска 16-й армии заняли рубеж по Днепру и Вои. В этот же день красноармейская газета в рубрике «Герои Отечественной войны» напечатала очерк Вадима Кожевникова «Младший политрук Георгий Гречко». В нем он писал так, что каждая строка звучала словно выстрел:

«Ты хочешь, чтоб твой боец верил тебе? Ты хочешь, чтоб боец в трудную минуту видел в тебе твердую опору, а слово твое стало грозным оружием?»

Стань сам таким воином, каким хочешь, чтоб был твой боец.

Авторитет — это сила политбойца.

Боевой опыт — опора. Слово большевика — оружие. Личный пример — путь к победе.

Таким, по-моему, должен быть политработник. Таким хочу быть и я. Поэтому машину поведу в ночную атаку сегодня же».

В ночной атаке танк Гречко находился в центре боя, младший политрук каким-то необъяснимым чутьем вел его на огневые вспышки орудий и оставался цел, давил гусеницами вражеские пушки. И вдруг внезапная остановка. Фашисты воспользовались заминкой, окружили машину Гречко, влезли на ее башню, застучали прикладами, попытались пулеметными очередями в упор пробить в машине брешь, таскали в котелках бензин и лили его на танк.

Но стальной крепостью становится для советского экипажа танк.

Спокойно и сосредоточенно ремонтировал танк экипаж, а когда стало можно от немцев ударить, водитель нажал стартер, и машина, облепленная фашистами, внезапно рванувшись, ринулась на сарай, где скрывались гитлеровцы, и раздавила их. Экипаж потом вернулся домой.

«Выходя из ганка, — писал Кожевников, — его водитель Георгий Гречко, пожав руку командиру экипажа, сказал:

— Сегодня я буду проводить с бойцами беседу о ночных танковых атаках. Материал кое-какой собрал, есть о чем поговорить».

Так просто писатель рассказывал в газете о подвиге младшего политрука Гречко, о его бесстрашии, мужестве и героизме.

В те июльские дни в нашу армию прибыли политбойцы, добровольцы, направленные по специальным мобилизациям партии и комсомола на фронт. Перед отправкой в действующую армию они проходили краткосрочную военную подготовку. Политбойцы направлялись на наиболее трудные участки фронта. Единственная привилегия, какую имели они перед другими, — первыми подняться в бой, повести за собой товарищей.

Свое доброе слово о подвиге политбойца сказал в очерке «Младший политрук Георгий Гречко» Вадим Кожевников. Примечательно, что буквально на следующий день после выступления писателя в красноармейской газете на эту же тему выступил со статьей «Мужество и бесстрашие политбойцов»

командующий 16-й армией генерал Константин Константинович Рокоссовский.

Усиление партийно-политического влияния в частях и подразделениях, повышение стойкости на поле боя — главная тема очерка Вадима Кожевникова и статьи командарма К. К. Рокоссовского.

В этом же номере газеты Вадим Кожевников выступил в соавторстве с М. Матусовским с очерком «Герой Советского Союза полковник Лизюков». Александр Иванович Лизюков был назначен командантом переправы через Днепр в Соловьеве, 27 июля противник наступал в районе Смоленска. Полковник становится командиром сводного отряда. Отряд перешел через Днепр и атаковал врага. Лизюков лично командует батареей. Ее огонь разбросал фашистскую колонну. Командир сводного отряда, конечно, не ждал врага, он искал его. И на переправе у Ратчина фашисты снова встретили огонь советских орудий: фашисты белые ракеты зажигают — и Лизюков посылает такие же ракеты. Немцы сигналы перепутали. Так сводный отряд обеспечил переправу наших бойцов. А полковник Лизюков, обеспечивший переправу, был удостоен звания Героя Советского Союза.

Надо сказать, что Вадим Кожевников проявлял и личную храбрость. Как-то был получен приказ о наступлении роты. Писатель попросил старших начальников, чтобы разрешили и ему с ней наступать: газетчик должен видеть своими глазами, что происходит в бою. Командир разрешил, выдал писателю винтовку и пачку патронов. И вместе с бойцами он пошел в наступление. Рота атаковала фашистов. Немцы ответили огнем. Осколок мины попал в ложе винтовки Кожевникова, самого его контузило...

Вадим Кожевников черпал материал о героях боев непосредственно в боевой обстановке, всегда работал с большим творческим напряжением. Бывал он в частях и соединениях нашей армии и в решающие дни битвы под Москвой и почти ежедневно публиковал корреспонденции, очерки, новеллы, рассказы о героических делах советских воинов. В очерке «Грозная Москва», в частности, он писал:

«Все для фронта, — так говорят москвичи. И гигантские заводы и крохотные предприятия промышленности кооперируются для фронта грозное оружие. Там, где раньше делали игрушки, замочки для дамских сумочек, — делают гранаты. Где делали расчески, — теперь изготавливают взрывчатые вещества. Где точили пуговицы, там теперь делают гильзы для патронов. Вместо швейных машин — пулеметы. Вместо алюминиевых чайников — фюзеляжи самолетов...»

Все, что они в силах и могут сделать, москвичи отдадут тебе, воин Красной Армии. Весь советский народ устремил на тебя взгляд, полный уверенности и надежды».

Писатель сумел в своих произведениях, созданных в дни Смоленского сражения, в дни битвы под Москвой, выразить то, что было на сердце каждого советского человека. Он искал в человеке уверенность в победе. Он писал о людях, которые находились в траншеях, о людях, которые шли в атаку, в схватку с врагом.

В статье «Отечественная война и советская литература», опубликованной в журнале «Пропагандист», Александр Фадеев писал, что Михаил Шолохов, Леонид Соболев, Александр Довженко, Андрей Платонов, Вадим Кожевников являются настоящими бойцами литературного фронта, что они являются глазами солдат, сражающихся с ненавистным врагом.

Борис ПАВЛОВ,
бывший редактор
газеты «Боевая тревога»
16-й армии

86